

Научная статья

УДК 82-343.4

DOI 10.18101/2686-7095-2025-3-89-96

ТРАДИЦИОННОЕ И АВТОРСКОЕ В СКАЗКЕ В. МИТЫПОВА «МАМОНТЕНОК ФУФ»

© Ковалёва Екатерина Андреевна

аспирант,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

Kovalevaekaterina21@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется идейно-художественная структура сказки Владимира Митыпова «Мамонтенок Фуф» в контексте мифо-фольклорной традиции. Рассматривается влияние мифа и фольклора на литературную сказку. Выявляются мотивы волшебства, дороги, инициации, борьбы добра и зла. Раскрывается реализация архетипов ребенка, матери, мудрого старца, опекуна, тени. Выявляются типы фольклорных героев: героя-искателя, героя-жертвы, героя-дарителя, героя-помощника, антагониста, определяется круг их действий и характерные для них функции. Авторская позиция определяется на фоне фольклорной традиции. Реализация принципа историзма, интенция научно-популярного повествования определяют жанровую специфику сказки В. Митыпова. Раскрывается художественная эволюция авторских образов, созданных на основе фольклорных образов и сюжетов.

Ключевые слова: жанр литературной сказки, мифо-фольклорная литературная традиция, мотив, архетип, тип фольклорного героя, функции действующих лиц, авторская позиция.

Для цитирования

Ковалёва Е. А. Традиционное и авторское в сказке В. Митыпова «Мамонтенок Фуф» // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2025. Вып. 3. С. 89–96.

Владимир Гомбожапович Митыпов — советский и российский бурятский писатель, народный писатель Бурятии, заслуженный работник культуры Республики Бурятия. Он известен повестями и романами «Ступени совершенства», «Долина бессмертников», «Инспектор Золотой тайги», «Геологическая поэма» и др. Изучение его творчества представляется актуальным, так как оно было во многом новаторским для своего времени, отразило те тенденции развития литературы, которые имели дальнейшую перспективу. Его творчество интересно, в частности, в плане жанровой картины. В. Митыпов — первый в республике автор научно-фантастических повестей, которые писал на русском языке. По профессии был геологом, что отразилось во многих его произведениях в интеллектуальном характере авторского подхода [1; 7].

Не исключением стала сказка-повесть «Мамонтенок Фуф», изданная в 1978 г. [6] Она имеет научную основу, а события, раскрывающиеся в сюжете, относятся предположительно к периоду неолита. Сюжет повествует об истории дружбы первобытной девочки Олы и диких животных, их странствии, приключениях и, конечно, опасностях, благодаря которым происходит личностное развитие героев.

М. Н. Липовецкий в монографии «Поэтика литературной сказки» утверждал, что авторская сказка представляет собой исключительное видовое образование, т. к. в ее основе лежат не только элементы фольклорной сказки, преимущественно волшебной, но и культурные архетипы, а также иные литературные жанры — предания, притчи, басни, легенды и др. «Все это в литературной сказке представляет собой некий синтез традиции мифа, волшебной сказки и новых литературных жанров» [4, с. 25].

Представляется целесообразным с учетом сложной жанровой природы литературной сказки проанализировать материал в следующем порядке: 1) поиск устойчивых мотивов [5]; 2) выявление архетипов, лежащих в основе образной системы [8; 10; 11]; 3) соотнесение персонажей с типами фольклорных героев [9]; 4) прослеживание реализации функций фольклорных образов [9]; 5) выявление авторского начала и его развитие [4]. Сочетание методов сравнительно-исторического, структурно-типологического литературоведения с архетипическим подходом позволяет, на наш взгляд, описать различные тенденции сказки-повести В. Митыпова.

Центральными мотивами в данной сказке являются мотивы волшебства, дороги, инициации, борьбы добра и зла. Мотив волшебства реализуется в антропоморфности персонажей-животных и способности главной героини сказки понимать язык зверей. Антропоморфизм прослеживается в образах героев-животных: все они склонны испытывать эмоции, некоторые способны к эмпатии. Кроме того, представители животного мира совершают осознанные действия, т.е. наделяются автором человеческим сознанием, что указывает на их разумность, способность мыслить и разговаривать.

Мотив дороги в данной сказке тесно связан с мотивом инициации. Мотив дороги можно интерпретировать буквально и метафорически. Если буквально, то главные герои, мамонтенок Фуф и девочка Ола, отправляются в путешествие. Фуф отправляется в путь, потому что его мама погибла, скоро зима, а ему необходимо найти способ выжить, а также безопасное место для этого. Ола же странствует, чтобы найти способ избавиться от захватчиков — племени Длинноруких, найти и вернуть свое племя домой. Если же рассматривать мотив дороги метафорически, то это путешествие ребенка во взрослую жизнь и трансформация личности. Метаморфозы всегда будут связаны с инициацией. Это может быть любое опасное событие или испытание, которое проходит герой, в результате он словно рождается заново, доказывает свою избранность. Таковыми могут считаться «сражения» с медведем Харром, росомарой Чивой или разгром племени Длинноруких. Через

преодоление опасности Ола доказывает право на место вождя племени, а Фуф отстаивает право на жизнь.

Мотив борьбы добра и зла прослеживается в противостоянии героев. В Митыпов разделяет персонажей строго на положительных и отрицательных. Положительные герои действуют в соответствии с общепринятыми моральными установками, а действия отрицательных героев диктуются личными желаниями и установкой на вседозволенность. В качестве примера возьмем пса Афа и росомаху Чиву. В сказке описывается «Закон Земли, Воды и Неба» [6, с. 55], который провозглашает недопустимость убивать, за исключением необходимости добыть себе пищу. Аф помогает Оле в охоте и убивает действительно только ради пропитания: «Когда Ола подбежала к воде, там уже стоял Аф и, сдержанно рыча, смотрел на неподвижную тушу антилопы, лежащую почти у самого берега» [6, с. 42]. Чива, напротив, считает, что она имеет право совершать убийства по своему желанию, что маркирует ее как строго отрицательного героя: «Я не знаю никакого Закона, — все так же медленно сказала Чива, — ибо не может быть закона там, где нет ни тьмы, ни света. Здесь каждый делает то, что хочет» [6, с. 56].

Представляется необходимым соотнести образы героев с архетипами, типами героев, по В. Я. Проппу, и связанными с ними функциями действующих лиц. Архетип ребенка [11, с. 88] самый простой, и он неразрывно связан с мотивами дороги и инициации. Фуф и Ола схожи: в начале произведения оба беззаботные и наивные юные существа, но есть отличия: Фуф по поведению похож на ребенка дошкольного или младшего школьного возраста, а Ола напоминает подростка. Фуф в меру шаловлив, любит поозорничать, не задумывается о возможной угрозе для жизни. Ола, поскольку жизненного опыта у нее больше, осторожнее и рассудительнее. Обоих меняет смерть близких: Фуф теряет маму, а Ола — старика Учугу, герои оказываются покинутыми [10, с. 199]. Смерть близких становится рубежом: детство заканчивается и начинается взрослая жизнь.

Главные персонажи сказки, Фуф и Ола, соотносятся с типом героя-искателя. Его круг действий охватывает только «отправку на поиски» [9, с. 73]. Фуф в первых главах отправляется на поиски безопасного места, где планирует пережить зиму, и к концу путешествия находит его, т. е. завершает действие. Ола, напротив, реализует данное действие только в конце сказки, отправляясь на поиски своего племени. Если представить, что Фуф и Ола символизируют разные возрасты и периоды жизни ребенка, можно заключить, что жизненный путь человека — это бесконечный процесс, череда уроков, по завершении которых накапливается жизненный опыт и происходит взросление, развитие личности.

По мере развития событий обнаруживается динамичность образа Олы. Помимо типа искателя в ее образе начинает проступать архетип матери [10, с. 201], но он проявляется постепенно. Если в начале Ола представляется читателю беззаботной девочкой, то к концу сказки вырастает до сильной и независимой личности, готовой действовать самостоятельно и брать ответственность за свои поступки. Она

становится более ловкой, более умной, более хитрой, но использует вышеперечисленные качества не во зло, а во благо племени и друзей из животного мира. Перед нами уже не ребенок, а достойный наследник, будущий глава племени, «великая мать».

Свой путь от «ребенка» к «великой матери» Ола начинает проходить благодаря старику Учи, образ которого связан с синонимичными архетипами опекуна [8, с. 172] и мудрого старца [10, с. 259–260]. Старик Учи позволяет девочке думать своей головой, не оспаривает новые идеи, например о приручении в будущем козы или лошади. Учит, но не насаждает с наставлениями. Наконец, его смерть становится толчком для развития личности Олы, своеобразным катализатором.

В образе старика Учи реализуется также тип героя-дарителя. Он «снабжает героя волшебным средством» [9, с. 73], но даримый предмет не волшебный и не материальный. Уча помогает Оле мудрыми советами, рассказами, т. е. дарит девочке знания, и, что необходимо отметить, даритель при этом не испытывает героя.

В образах Харра и Чивы, базирующихся на архетипе тени, мы видим персонификацию страхов и трудностей [10, с. 29]. В подборе животных явно видна позиция автора. Медведя и росомаху можно считать суперхищниками: они прекрасно приспособлены к жизни в суровых таежных условиях, достаточно хитрые и очень сильные. Все, что сильнее и может убить, для человека расценивается как опасность и приравнивается ко злу. Соответственно, образы диких зверей являются персонификацией всего ужасного, что только может представить человек. Убийство суперхищника — это преодоление страха, прохождение инициации.

Образы Харра и Чивы полностью соответствуют типу героя-вредителя, или антагониста, в круг действий которого входит преследование, вредительство и бой как форма борьбы с героем [9, с. 73]. Харр в начале сказки ставит целью найти и съесть мамонтенка, т. е. выполняет действие преследования. Вредительство реализуется через косвенное убийство матери Фуфа, а необходимая функция боя оборачивается провалом, так как Харр не смог избежать ловушки. Действия Чивы сводятся к бессмысленным убийствам, что мы расцениваем как вредительство, а форму борьбы с героем видим в несостоявшемся бое против Олы. Ловушка срывается быстрее, чем это осознает Чива, таким образом, она проигрывает до начала схватки. Оба антагониста оказываются побежденными [9, с. 49].

В основе образа Аф лежит архетип опекуна [8, с. 172], для которого характерна забота о людях. На протяжении всей истории Аф следует за Олой, оберегает, защищает и помогает девочке в ее путешествии, что не раз спасает ей и ее спутникам жизнь. Также Аф близок к типу героя-помощника. Выбор собаки на роль героя-помощника не удивителен, так как это в целом характерно для литературной сказки XX в. Аф преданный, добродушный, беззлобный. Круг действий героя-помощника широк: «пространственное перемещение героя, ликвидация недостачи, спасение от преследования, разрешение трудных задач» [9, с. 73]. Аф обеспечивает Оле и Фуфу пространственное перемещение, но не между миром мертвых и миром живых, как это было в фольклорной сказке, а между разными местами в

земном мире, обеспечивая безопасное перемещение в пространстве. Аф отвлекает внимание Харра на себя и помогает Фуфу спастись от преследования, а также способствует ликвидации недостачи и разрешению трудных задач. Если быть точнее, герой-помощник содействует Оле победить антагонистов Харра и Чиву, тем самым обеспечить мир.

В сказке мы находим также специального персонажа для связи — доносчика [9, с. 74], представшего в образе хомяка, который под угрозой смерти рассказывает Харру о передвижениях мамонтенка, чем подвергает Фуфа опасности быть убитым.

Если продолжать говорить о функциях персонажей, то в сказке «Мамонтенок Фуф» в связи с появлением двух главных персонажей сюжет усложнился. Поэтому можно говорить о двух линиях функций двух главных действующих лиц: первая линия связана с Фуфом, вторая — с Олой.

С образом Фуфа будут сопряжены такие функции действующих лиц: к герою обращаются с запретом — запрет нарушается — антагонист получает сведения о своей жертве — антагонист наносит одному из членов семьи вред или ущерб — герой покидает дом — герой преследуется антагонистом — герой подвергается нападению — герой встречает помощника — помощник и антагонист вступают в борьбу — антагонист побеждается [9, с. 27–52].

В сюжетной линии Олы реализованы следующие функции: герой встречает дарителя — герой и один из членов семьи (даритель) отлучаются из дома — герой получает «волшебный предмет» — герой и один из членов семьи возвращаются — герой и один из членов семьи подвергаются нападению — члену семьи наносится вред — герой отправляется в путь (сбегает) — герой встречает помощника — герой спасает жертву — герой вступает в противостояние с антагонистами — антагонисты побеждаются — герой возвращается домой — герой отправляется на поиски [Там же].

В первой сюжетной линии Ола по отношению к Фуфу выступает в роли спасителя, а Фуф во втором случае по отношению к Оле выступает в роли одновременно героя-искателя и жертвы. В обоих случаях мы наблюдаем нарушение последовательности функций, что указывает на активное авторское начало.

На первый взгляд, В. Митыпов полностью следует мифологической традиции, однако мы находим некоторые элементы, более соответствующие современной литературной сказке. Автор, опираясь на традиции, трансформирует их, углубляет их своим творческим видением.

Во-первых, в сказке не один, а два главных героя. Их характеры динамичны, что является знаком усложнения образов. Статика — всегда фольклорная черта, ей соответствуют, например, постоянные эпитеты, постоянство характеров. Но в литературной сказке В. Митыпова отмечаем эволюцию образа, и в этом реализуется в сказке авторская позиция. Более подробно мы рассмотрели это на примере развития образов Олы и Фуфа.

Во-вторых, элементы волшебной сказки сведены к минимуму и нужны в том числе и для раскрытия образа Олы. Сюда относятся волшебная способность понимать язык животных, что выделяет ее как особенную, необычную, что в целом должно быть свойственно для главного героя. Также одним из элементов волшебной сказки будет мотив волшебства, реализующийся через антропоморфность животных.

В-третьих, В. Митыпов делает упор именно на знание, научное постижение мира. Весь текст детского произведения — это небольшая энциклопедия о древнейшем периоде истории, где собраны различные факты, начиная от подробного описания ландшафта, флоры и фауны и заканчивая особенностями жизни и быта первобытных людей.

«Как известно, любой художник XX в. в той или иной степени моделирует реальность. В. Митыпов, обращаясь к фантастическим жанрам, моделирует <...> глубокую древность» [3, с. 46], однако «...моделирование происходит не с отдаленным будущим, а с ситуацией «доисторических времен» [3, с. 57]. В сказке «Мамонтенок Фуф» сюжет выдуманный, но время, в котором раскрывается сюжет, настоящее и относится к периоду неолита. Автор рассказывает нам об особенностях человеческого общества на начальной стадии развития [3, с. 58].

Читатель узнает о первобытных формах религии: шаманизме, тотемизме. Автор подчеркивает, что люди древности верят в существование душ и духов, а также считают, что мир мертвых помогает или препятствует миру живых. Племя, в котором растет Ола, считает покровителем Отца-Ворона, в сказке подробно описывается сакральный столб, на котором любит сидеть птица: «Неподалеку, посреди круглой утоптанной площадки в центре селения, возвышался резной столб. На самом верху его висел рогатый бычий череп. На нем сидел большой сутулый ворон. Сразу было видно, что это очень старая птица. Это и был Отец-Ворон, покровитель рода. Он лениво поглядывал по сторонам и изредка гулко долбил клювом по черепу» [6, с. 18].

Ворон действительно был тотемом, распространенным на территории Сибири. Хоринские рода у якутов до сих пор связывают себя с культом предка ворона [2, с. 125]. Птица считается сакральной, олицетворяет мудрость и тайные знания. Люди должны быть наделены характеристиками, приписанными птице. Ола, как самый яркий представитель племени, все трудности преодолевает с помощью смекалки, находчивости, ума. Наблюдается прямая параллель между птицей-тотемом и героиней. В то же время автор проводит идею, что разум превосходит силу.

В. Митыпов отсылает читателя к тому промежутку истории, когда типом общественного строя был матриархат. В сказке читателям показывают, как племенем управляет женщина: «Сегодня я должен посетить духов охоты. Я возьму тебя с собой, потому что ты когда-нибудь станешь предводительницей рода, как твоя мать» [6, с. 18].

Для «Мамонтенка Фуфа» В. Митыпов избрал безличное повествование. Мы наблюдаем философичность и дидактичность. Как нельзя больше этому соответствует ситуация диалога — между взрослым и маленьким ребенком: «История, которую я сейчас расскажу тебе, произошла очень, очень давно. <...> но постой, может, ты не знаешь, кто такой мамонтенок? Тогда представь себе слоненка, одетого в мохнатую шубку. Это и будет мамонтенок» [6, с. 5]. Ситуация «доисторического времени» позволяет выстроить диалог как диалог «собеседников-современников, взрослого и ребенка, открывающих для себя завесу времени» [3, с. 57]. Но в этом диалоге нет навязывания и открытого поучения, рассказывается увлекательная история, и с помощью ее автор обогащает представления ребенка о реальном мире.

В. Митыпов действительно использует некоторые элементы мифа и волшебной сказки, но делает это как ученый, проводящий исследование. Он рассказывает об явлениях эпохи первобытного мира и очень трезво оценивает, что мифологическое мышление — это элемент прошлого. Таким образом, имеющиеся в идейно-художественной структуре сказки В. Митыпова «Мамонтенок Фуф» мифологические и фольклорные образы реализуются как необходимые жанровые элементы сказки, в основе же ее находится авторская концепция древнейшей эпохи в истории человечества.

Литература

1. Башкеева В. В., Доржиева Г. С. К вопросу о литературной биографии Владимира Митыпова // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2013. Вып. 10. С. 28–31. Текст: непосредственный.
2. Винокуров А. Д. Тотемические представления в генеалогических преданиях якутов: образы и сюжеты локальных сообществ (на материалах документально подтвержденных родословных) // Человек и культура. 2024. № 6. С. 122–131. Текст: непосредственный.
3. Имixelова С. С., Ванчикова С. Д. Художественная концепция истории в прозе В. Митыпова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. 132 с. Текст: непосредственный.
4. Липовецкий М. Н. Поэтика литературной сказки (на материале русской литературы 1920–1980-х годов). Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1992. 183 с. Текст: непосредственный.
5. Мелетинский Е. М. От мифа к литературе: учебное пособие по курсу «Теория мифа и историческая поэтика повествовательных жанров». Изд. 2-е, испр. Москва: Изд-во РГГУ, 2000. 167 с. Текст: непосредственный.
6. Митыпов В. Г. Мамонтенок Фуф. Москва: Детская литература, 1978. 63 с. Текст: непосредственный.
7. Митыпов В. Г. Неповторимая весна 57-го. Улан-Удэ, 2008. URL: <https://burunen.ru/news/culture/68948-vladimir-mitypov-nerovtorimaya-vesna-57-go/?ysclid=m8wmihk66g240381130> (дата обращения: 31.03. 2025). Текст: электронный.
8. Пирсон К. С. Пробуждение внутреннего героя. 12 архетипов, которые помогут раскрыть свою личность и найти путь / перевод А. Багрянцева. Москва: МИФ, 2024. 480 с. Текст: непосредственный.

9. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. Москва: Лабиринт, 2001. 364 с. Текст: непосредственный.
10. Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное / перевод А. Чечина. Москва: Изд-во АСТ, 2019. 496 с. Текст: непосредственный.
11. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов / перевод А. А. Юдина. Москва: Лабиринт, 1997. 384 с. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 24.04.2025; одобрена после рецензирования 20.09.2025; принята к публикации 16.10.2025.

TRADITIONAL AND AUTHORIAL ELEMENTS IN V. MITYPOV'S
FAIRY TALE — *FUF THE BABY MAMMOTH*

Ekaterina A. Kovaleva

Research Assistant

Dorzhi Banzarov Buryat State University

24a Smolina St., 670000 Ulan-Ude, Russia

Kovalevaekaterina21@mail.ru

Abstract. The article analyzes the ideological and artistic structure of Vladimir Mitypov's fairy tale *Fuf the Baby Mammoth* within the context of mythological and folkloric traditions. The study examines the influence of myth and folklore on literary fairy tales and identifies motifs of magic, journey, initiation, and the struggle between good and evil. The implementation of archetypes such as the child, the mother, the wise elder, the guardian, and the shadow is explored. Folkloric character types are identified, including the seeker-hero, the victim-hero, the donor-hero, the helper-hero, and the antagonist, along with their characteristic actions and functions. The authorial stance is analyzed against the backdrop of the folkloric tradition. The application of historicism and the intention of popular-scientific narration determine the genre-specific features of Mitypov's tale. The study also traces the artistic evolution of the authorial characters, created on the basis of folkloric images and plots.

Keywords: literary fairy tale, mythological and folkloric literary tradition, motif, archetype, type of folkloric hero, character functions, authorial stance.

For citation

Kovaleva E. A. Traditional and Authorial Elements in V. Mitypov's Fairy Tale — *Fuf the Baby Mammoth*. *Bulletin of Buryat State University. Philology*. 2025; 3: 89–96 (in Russ).

The article was submitted 24.04.2025, approved after reviewing 20.09.2025; accepted for publication 16.10.2025.